

Татьяна Орлова

КИНОК

право на удовольствие

Тальяна Орлова
Кинк. Право на удовольствие
Серия «Жутко горячие
властные пластилинчики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62349908

Аннотация

СОДЕРЖИТ ИНФОРМАЦИЮ О НАРКОТИЧЕСКИХ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВАХ, УПОТРЕБЛЕНИЕ КОТОРЫХ ОПАСНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ВЛЕЧЕТ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Аннотация: Горячо, порочно, грязно, аморально – только эти определения я слышала о заведении под названием «Кинк». А там мне объяснили, что у каждого человека найдется спусковой крючок – именно он превращает все определения в «свободно». Мне давно пора выходить за свои рамки, ведь старые не делали меня счастливой.

В тексте есть:

- нецензурная лексика (в микродозах);
- откровенные и спорные сцены;
- преображение героини, борьба с комплексами.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тальяна Орлова

Кинк. Право на удовольствие

Глава 1

Если кому-то придет в голову воссоздать всю хронологию событий, то ответственно заявляю – первым я встретила Владимира.

– Кабздец. – С этого слова и началось наше знакомство. Знаменательно. Почти пророчески.

Терпеть не могу матершинников. Но он еще добавил:

– Ты как? Не обожглась?

Больше, чем матершинников, я не выношу людей, обращающихся к незнакомцам на ты. Мне кажется, это показывает уровень культуры даже посильнее, чем нецензурная лексика. Острая реакция на подобные вещи обусловлена семьей, в которой я воспитывалась – чрезвычайно интеллигентной. И то же самое воспитание заставило меня вскрикнуть:

– Простите, пожалуйста! Совсем по сторонам не смотрю!

Его глаза сузились, а первый шок сменился на веселую ухмылку:

– Спятила? Это же я на тебя налетел. – Улыбка на секунду стала чуть шире, но вновь потухла, когда он бросил взгляд на мою залитую кофе футболку и повторил вопрос: – Не обожглась?

Вроде бы мы вышли с одного рейса, но в салоне самолета я его не видела. Он мог находиться и в бизнес-классе. Теперь, когда я разглядела лучше, поняла наверняка – этот определенно находился в бизнес-классе. Уж слишком от делового костюма разило благосостоянием. Часы на руке, ботинки до блеска начищены, черная рубашка с едва заметной сатиновой глубиной. Похож на итальянца – смуглый, темноволосый. Так я и решила бы, не приди в голову мужчине начать общение с исконно русского термина. Широкие брови, высокие скулы, а под ними недельная щетина, выглядывающая очень жесткой, но глаза слишком светлые для такого типажа – голубые или серые, в прищуре не разглядеть, но с тем же самым сатиновым отблеском. Если бы моей интеллигентной маме пришло в голову спрашивать, что мне в мужчинах не нравится больше невоспитанности, то я бы с уверенностью назвала недельную щетину. Она вызывала такой мощный диссонанс с дорогим костюмом и золотыми часами, что как будто специально для контраста и отращивалась. До неприличия, почти демонстративно, привлекательный, самоуверенный мужчина около тридцати, избалованный деньгами и собственной натурой, – от таких добрые родители прячут невинных дев за семью замками. Да, этот точ-

но из бизнес-класса.

Проследила за направлением его взгляда и невольно поморщилась. Белоснежная футболка безнадежно испорчена. Мы столкнулись очень неудачно – мужчина держал в руке стакан с американо, и теперь кофе коричневым пятном закрывал половину изящного рисунка на груди. Я не обожглась, но было очень обидно. Футболка, волею случая, стала единственной вещью, которую я успела купить для себя в первой в жизни поездке за границу. Это как сувенир с практической пользой! Сувениры для родственников и друзей – более значимые и без практической пользы – занимали половину моей сумки.

– Эй, тебе больно? – Незнакомец сделал еще шаг ко мне и даже за плечо тронул, привлекая к себе внимание. Но в тоне появилось легкое раздражение, а не сочувствие: – Чего молчишь-то? Обожглась или разозлилась?

– Нет, что вы! – Я вновь заставила себя посмотреть в серые глаза. – Не беспокойтесь, пожалуйста!

Но он никак не унимался:

– Давай хоть стоимость возмещу. Вообще-то, я обычно симпатичных девчонок не поливаю кофеином. А если и поливаю, то совсем не кофеином. – Он снова улыбнулся, выделяя иронию и, видимо, ожидая получить улыбку в ответ.

Я и улыбнулась – а что еще делать, когда от тебя этого явно ждут? Футболку мне было бесконечно жаль, но дело вовсе не в цене – не так уж много я на нее потратила.

Домой теперь явлюсь в подобном виде... А так хотелось поразить хоть какими-то изменениями. Отметила про себя, что мужчина назвал меня симпатичной. Не ирония, не насмешка, просто такие разухабистые типы флиртуют без напряжения – они говорят или матами, или комплиментами. Ставлю на то, что конкретно этот брутальный образец местного мажорства занимается торговлей, – от их братии лесть звучит особенно легко и ненатурально.

Я аккуратно отступила, чтобы он не посчитал мое действие слишком резким, и ответила:

– Не стоит, что вы! Это недорогая футболка, ничего страшного.

– А чего глазки тогда такие грустные?

Не стану же я постороннему человеку объяснять, как носилась по Варшаве в последние два часа, успевая купить подарки для всех, а эта белая вещица попала на глаза – и я не удержалась, решила, что и сама заслужила подарок. Особенно такой, который Олега приведет в изумление. Любимый часто говорил, что я о себе думать не умею, и вот оно – доказательство. Ныне испорченное.

Улыбнулась как можно шире, чтобы подчеркнуть отсутствие катастрофы, однако итальянец-матершинник расценил мою приветливость по-своему и тоже растянул расслабленную мину.

– Меня Володей зовут.

– Лиля, – ответила я, просто потому что нельзя не отве-

тить. И исправилась: – В смысле, Лилия.

– Серьезно? – Он слегка изогнул широкую бровь.

– Вполне, – удивилась и опять нахмурилась.

Он рассмеялся – громко, не стесняясь окружающих.

– Верю. Просто обычно такими славными именами девочки по вызову представляются – легко запомнить и проникнуться.

– Что?! – Я, забыв о воспитанности, отшатнулась.

– Ничего, пошутил я, – он сказал примирительно. – А зачем все еще тут стоишь?

Да что же он ко мне прицепился? Ладно бы только кофе облил – это даже не происшествие. Но общение явно затянулось, и никак не придумывалась причина вежливо от него избавиться:

– Свой чемодан жду. Все пассажиры багаж получили, а моего еще нет.

– Контрабанду перевозишь? На досмотре попалась?

– Что?! – отреагировала я еще громче.

Владимир как-то устало закатил глаза к потолку и вздохнул. Потом махнул рукой и прошел мимо к конвейерной ленте. Начал спрашивать мужчину в форме, торопить. Зачем он устраивает шум? Мне еще скандала не хватало из-за пятнадцати минут ожидания! Избалованный перец, такие всегда на рожон лезут, изображая из себя хозяев мира.

Однако через пару минут окликнул:

– Лиль, твоё?

Я схватила серый чемодан и принялась благодарить – в первую очередь сотрудников, конечно, но и Володе адресовала одно из своих «спасиб». Похоже, накладка произошла случайно – мой багаж просто забыли на погрузчике. Поспешила отойти, чтобы не мешать работе своими вещами. Володя настиг меня в полтора шага.

– Тебя встречают? На стоянке мой водитель ждет – давай хоть подкинем тебя куда надо. Засчитаешь извинением за пятно на футболке.

– О, не стоит беспокоиться! Я на такси.

– Я и не беспокоюсь, Лиль. Идем. Я, может, и маньяк, но на водителя глянешь – душевнейший человек. И если тебе так не покажется, там тебя на такси и посажу.

Он ловко перехватил ручку и покатил чемодан вперед, а мне пришлось догонять. Если честно, я не погрузилась в страх, что он мои вещи собрался похитить – не воруют торговцы из бизнес-класса потертые чемоданы. Похоже, действительно посчитал себя обязанным хоть чем-то помочь «кофеиновой жертве». А я никак не могла придумать слов отказа, чтобы он перестал помогать.

Про водителя Володя не соврал – от черного квадратного джипа к нам шагнул мужчина, тоже в деловом костюме, но куда попроще. И с абсолютно непроницаемым лицом теперь сам перехватил мой чемодан за ручку, чтобы погрузить в багажник. Мне лишь кивнул, будто именно меня и ожидал увидеть в такой компании.

– Как долетели, Владимир Алексеевич? Звонили из конторы – у вас телефон отключен.

– Все отлично. Сейчас девушку подвезем, потом к Артему.

– Конечно.

В том, что это именно водитель, я не сомневалась. Уж очень по-деловому прозвучал их диалог, хотя сам автомобиль не производил впечатления утонченности: внедорожник на огромных колесах – бесспорно, тоже недешевый и солидный, но подчеркнуто грубоватый. А я все еще не придумала слов отказа, хотя и не усомнилась, что меня не попытаются похитить или что-то в этом духе. Просто зачем такие хлопоты? Из-за какой-то футболки? Но вдохнула и отправилась по направлению за своим чемоданом.

Володя занял место сзади рядом со мной. У меня только коротко спросили адрес и перестали обращать внимание. Он вынул смартфон и включил, сделал несколько звонков, большинство из которых заключались во фразы: «Да, прилетел» и назначении времени встречи. Только в разговоре с одним собеседником он рассмеялся и ответил на вопрос чуть подробнее: «Так отдохнул, что мне еще пару недель отдыха требуется. Ах ты ж зверюга трудоголичная... Да сегодня, сегодня заеду, не шипи». Я смущенно пялилась в боковое окно и изображала, что меня здесь нет. Однако успокоилась окончательно. Олегу, конечно, об этой поездке рассказывать не стану – разозлится и снова назовет меня слишком наивной,

раз с незнакомыми мужиками в машину села. И ведь будет прав, а я терпеть не могу, когда люди правы в описании моей доверчивости.

– Лиль, – Володя отвлек меня от созерцания. – Как тебе Варшава? Была в Лазенковском дворце?

– Не была, – я ответила после паузы, а расслабленность дала возможность для более развернутого ответа: – Я не туристом туда ездила, а по работе.

– Вон оно что. Сочувствую. – Он смотрел на меня довольно внимательно, это немного сбивало с мысли.

– Напрасно! – чуть взвилась я. – Это отличный шанс проявить себя! В моей фирме отбирали самых ответственных сотрудников для этой командировки!

– Вот сейчас не понял. – Володя слегка подался вперед, ему как будто было важно смотреть собеседнику в глаза. – И ты оказалась единственной достойной?

– Нет, конечно!

– А-а, – он сделал паузу, поскольку ему его интерес казался резонным, – где же тогда остальные?

– Еще на несколько дней задержались... отдохнуть, на банкете с партнерами отпраздновать. А мне надо было документы привезти и отчет составить.

– Посмотреть Лазенковский дворец они остались? – Владимир ухмыльнулся.

– Возможно.

Я не понимала причину его саркастического взгляда, но

отчего-то захотелось объясниться:

– Вообще-то, это нормально. Я самая молодая из команды. Логично, что мне и выполнять основные поручения. И без того я очень благодарна начальнице за такую возможность!

– Логично, – неожиданно согласился он. – А работаешь кем?

– Бухгалтером, – я почему-то начала краснеть, будто призналась в чем-то непристойном.

Мужчина заговорил очень вкрадчиво:

– Лиль, а правильно ли я понимаю, что ты, самый молодой бухгалтер, и отправлялась в эту командировку только для того, чтобы хоть кто-то работу делал, пока все остальные занимаются, – он хмыкнул, – нетуризмом?

– Возможно! – ответила с небольшим вызовом. – Это странно?

– Да ничего странного. Ездят на том, кто возит, – он помолчал немного, подбирая слова. – Слушай, Лиль, я до пятницы буду занят, но в субботу утром мы могли бы с тобой встретиться в каком-нибудь кафе. Поболтаем о том о сем.

Меня предложение потрясло так сильно, что я снова начала испытывать страх. Взвизгнула, приложив к тону весь имеющийся гнев:

– Я замужем!

– Ты решила, что я к тебе подкатываю? – Он улыбался теперь мягко, однако глаза оставались внимательными. – Ни-

чего подобного, даже не надейся, у меня очередь на полгода вперед расписана. Просто выпьем кофе и поговорим. Ты в аэропорту до завтрашнего дня бы стояла, не осмеливаясь свои вещи потребовать, а теперь еще добавились детали. От этого надо избавляться, Лиль, как от проказы, иначе так за всю жизнь ничего стоящего и не увидишь. Обещаю, что на этот раз буду вливать кофе в себя, а не на тебя. Считай этот жест тоже извинением за произошедшее.

Если начистоту, то я и не ощущала от него романтического интереса. Но какая-то заинтересованность была. Что же его так во мне озадачило? И, не найдя другого ответа, я повторила несколько глупо:

– Я замужем, – почти не преувеличила, поскольку разницу официального брака с гражданским вижу только в штампе, больше ни в чем.

– Могла бы просто сказать «нет», хотя ты и этого не умеешь. Но врать-то зачем?

Я уставилась на него в изумлении.

– Я не вру!

Володя говорил теперь спокойно, будто терял интерес к разговору, а продолжал по инерции:

– Замужних женщин в аэропорту встречает муж, иначе на кой хер вообще придумали браки?

– Олег на работе, – объяснила я, успокаиваясь. – Да и зачем мотаться в такую даль, если я и сама спокойно могу добраться?

Но мужчина зачем-то повторил задумчиво:

– Замужних женщин в аэропорту встречает муж. – Он на-долго затих, а потом как будто о чем-то вспомнил и вынул бумажник. Долго искал среди купюр и визиток, пока не вытянул одну. Вновь повернулся ко мне. – Настаивать не буду, жизнь твоя. Но вот это возьми. Заведение работает с пятницы по воскресенье. Мне владелец за рекламу приплачивать должен. – Володя усмехнулся. – Возьми. В «Кинке» очень дорого, а с этой карточкой тебя пропустят бесплатно. И если когда-нибудь решишь избавляться от своей зажатости, то там и начнешь. Да и мы, скорее всего, только там сможем случайно пересечься.

Визитку я взяла – не могла обидеть человека, который настойчиво предлагает помощь в разрешении непонятно какой проблемы. Белый пластик с надписями. Прочитала и вздрогнула: большими квадратными красными буквами было выведено непонятное слово «Кинк» – видимо, название ночного клуба, наискось по углу перечеркнутое буквами «V.I.P». Через пару секунд я припомнила, что слышала о нем от знакомых – без подробностей, но с придыханием. Более мелким шрифтом под названием светилось: «Аморально, грязно, свободно». Ужасный рекламный слоган, хуже не придумаешь. Понятное дело, что и ноги моей в этом «Кинке» не будет, а уж карта vip-клиента такого места полетит в мусорку первым делом. Но Владимиру я ответила с легким кивком, прекрасно понимая, что такая карта должна стоять до-

рого и подобный широкий жест нельзя проигнорировать:

– Большое спасибо!

Когда подъехали к моему дому, Владимир уже снова говорил по телефону и лишь махнул рукой, устав изображать хоть какой-то интерес к моей персоне. Но я вежливо попрощалась и с ним, и с водителем, после чего радостно потащила чемодан в подъезд.

Глава 2

– Олежа, ты уже дома?

Я с улыбкой стаскивала ботинки в прихожей, радуясь возвращению домой и шуму на кухне. Улыбнулась еще шире, расслышав грохот и нервное:

– Заяц, ты? Проклятие, почему нет ни одной чистой тарелки?

Я рассмеялась. Откуда возьмется чистая посуда, если меня здесь не было? Олег вышел навстречу, вытирая руки полотенцем.

– С прилетом, Лилька. Да, сегодня отпустили пораньше. Наконец-то ты вернулась, я очень рад!

«Женщин в аэропорту встречает муж» – было повторено мне дважды. Будто бы Владимир не знает, что счастье совсем в другом: в ощущении, что тебя ждут дома. Сейчас мы обнимемся, а потом я разгребу посудные завалы и приготовлю ужин на двоих, Олегу точно надоело питаться полуфабрикатами в мое отсутствие. И наступит полная идиллия, конец разлуке. А вечером я усядусь за отчет, завтра на работе нужно будет доказать, что доверие начальства я оправдала на сто процентов.

Но до этого есть еще несколько приятностей. Я остановила Олега, шедшего в зал с тарелкой:

– Я купила подарки!

Конечно, он знал, что в моем чемодане ничего особенно не найдется, – особенное обычно стоит немислимых денег. Я поспешила с вещами в зал, там уселась на пол, выворачивая вещи и отыскивая нужное.

– Это Кире, – объяснила, назвав имя лучшей подруги и отложив один из маленьких пакетиков с польской бижутерией. – А вот настенные часы для мамы с папой, им должно понравиться. А это Кириллу.

Олег наблюдал за моими действиями:

– А Кириллу зачем?

Мне отчего-то стало немного стыдно – ведь я не свои деньги спускала, а наши общие.

– Как же? – все-таки ответила с улыбкой. – Он же приятель Киры, некрасиво его игнорировать.

– Ой, да брось, Лилька. У твоей Кирки таких любовников десяток был до Кирилла и десяток будет после. И ты каждого будешь привечать? Мы уже в следующем месяце об этом хлыще не вспомним.

Я не стала спорить. В некотором смысле Олег прав – Киру нельзя назвать монашкой: она, яркая красавица-блондинка, уже с первого курса института меняла парней, как только надоедали. Но я ее знаю, с Кириллом у подруги все иначе – глаза светятся, про будущую свадьбу заговорила, чего я вообще от нее не ожидала. Но улыбалась я Олегу все так же широко и искреннее:

– Они уже живут вместе, глазом не успеешь моргнуть, как

распишутся и обзаведутся детьми! А нас с тобой еще и свидетелями позовут – вот тогда и припомнишь подарочек из Варшавы, считай это взяткой за самые лучшие места на свадебном банкете! – я звонко рассмеялась собственной шутке.

Но Олег нахмурился и немного подался вперед:

– Ты сейчас на что намекаешь? – Обычно эта фраза предшествовала скандалам.

– Да не намекаю я ни на что, – отмахнулась и снова зарылась в вещи, чтобы отыскать нужное и закрыть эту тему. – Вот!

Я с гордостью продемонстрировала статуэтку Сиренки. Подобные покупали все сослуживцы на Рыночной площади в качестве самых ходовых сувениров. Но Олег по защитнице Варшавы лишь мазнул взглядом.

– Нет, Лилька, ты уж прямым текстом говори – мол, твоя скоростная Кира первая выйдет замуж? А то, что мы два года вместе живем, – ерунда? Тебе в белое платье так хочется вырядиться?

Он был неправ в формулировках. Хотя бы потому, что никогда ничего подобного я не говорила. Но в сути я с Олегом была согласна: штамп в паспорте ничего не решает, а во многих случаях даже портит. Да и успеем еще – оба молоды, вся жизнь впереди. Снимаем квартиру, а вот когда на ноги встанем, тогда и можно поговорить о праздниках. Еще и родители не в восторге от наших отношений. Мои – как раз по причине, что не регистрируем отношения официально. Для них,

закостенелых интеллигентов, это вопиющая ситуация. А его мама, которая в одиночку Олеженьку растила, не принимает меня ни в каком виде. Будущая свекровь даже не стесняется до сих пор невест сыну подсовывать, делая вид, что меня не существует. И сколько бы усилий я ни тратила на то, чтобы ей понравиться, она не может увидеть во мне человека, достойного ее единственного сына. Какая свадьба в таких условиях? Нет, в сути я полностью мнение Олега разделяла. А раздражен он сейчас только потому, что хорошей домашней еды несколько дней не видел – мужчины, как известно, на голодный желудок чуют.

– Перестань, Олеж. – Я отставила сувенир на пол и вынула красивую коробочку. – Еще и ремень. Кожаный, фирменный.

Он понял, что ссориться я не хочу, потому тоже расслабился и сполз с кресла на пол. Рассмеялся немного натянуто, подхватил статуэтку.

– Красиво! – похвалил запоздало. – Как оформим ипотеку, так специальную полку в квартире организуем для сувениров. Пылесборник, конечно, но ты же не зря в международную фирму устроилась, теперь будешь по всему миру кататься и сувениры оттуда привозить. Еще и зарабатывать больше мужика начнешь. Кто бы мог подумать, что и бухгалтеры способны так подняться?

Так мне удалось свернуть конфликт в зачатке. Не дело это – ругаться после разлуки. Потому, уже вновь счастливая, по-

целовала любимого и побежала на кухню, надо фарш разморозить. Однако настроение немного было испорчено – разумеется, не разговором о свадьбе, а выражением его лица, когда о командировке упомянул. Мне еще до отлета показалось, что Олег не в восторге. С другой стороны, а кто будет в восторге, когда жена на несколько дней от мужа улетает?

Пока жарились котлеты, я успевала пылесосить. Чемодан перетащила в спальню – потом до конца разберу, когда время будет. Но именно там меня накрыло: то ли сниженное настроение сказалось, то ли усталость от перелета. Замотанность вдруг заставила спросить с легким раздражением:

– Олег, ты курил в спальне?

– Тебя же не было. Какая разница? – он крикнул из зала.

Но разница была. Меня от табачного дыма наизнанку выворачивает, но теперь все белье, все подушки пропахли. Это мне теперь еще и стирку устраивать? Нетрудно, понятное дело, и любая хорошая хозяйка даже глазом не моргнет, но после готовки ужина и легкой уборки, а еще и отчет писать...

– Олежа, я с четырех утра на ногах, аэропорты, перелет, а теперь еще и одеяла стирать?

Мой голос прозвучал непозволительно громко. Олег показался в дверном проеме и заголосил на той же ноте, которую я сама задала:

– Ишь, цаца польская явилась, устала она от перелетов. Права начала качать. Тебя только разок выделили, и уже звездная болезнь разыгралась?

Скандал все-таки случился. И в ходе его я вдруг осознала, что моя командировка тревожила Олега намного сильнее, чем я вначале предполагала. А у него, оказывается, проблемы на работе, обсуждается сокращение штата. И раз он дома в такое время, то могла бы и догадаться, кого в списке на сокращение рассматривают в первую очередь. Но я только о себе и умею думать, вообще ничего вокруг не вижу. Я уже давно помалкивала, понимая, что сама спровоцировала этот взрыв, первая ведь начала, да и вину ощущала за то, что действительно не заметила проблем любимого, сосредоточившись на собственной радости.

Апофеозом стали безнадежно сгоревшие котлеты. В этом осознании я и утонула, будто именно котлеты могли всех спасти, но им не хватило гуманности. Пропустила мимо фразы, что «я и в постели бревно», и «в люди со мной стыдной выйти», на «непроходимую наивность» вообще внимания не обратила, всё это я слышала и раньше, чего только со злости не скажешь. Подбежала, выключила газ и разревелась – больше от котлет, чем от всего остального.

И ведь знала, что Олег нытья не выносит. Он меня давно об этом предупреждал. Потому типичный скандал вдруг и перерос в немыслимое:

– Лиля, я думаю, что нам надо отдохнуть друг от друга. Подумать, – он сказал это неожиданно спокойно. – А у тебя вещи уже собраны.

И в этом я не могла поспорить. Если останусь, то разруга-

емся окончательно. А так остынем, потом спокойно поговорим и снова станем счастливой семьей. Однако вырвалось:

– Но куда же мне идти?

– К родителям. – Он уже шагал в зал и опять распался: – Они ж повторяли, что я бесперспективный. Поезжай, обрадуй преподавательскую мамашу, что она все время была права!

Я спешно покидала еще несколько вещей в чемодан и поспешила исчезнуть, пока до осколков не разрушила наше хрупкое счастье и не услышала другие эпитеты, которые потом ночами будут разъедать мне мозг.

К родителям не поехала. Было стыдно рассказывать им о произошедшем. Понятное дело, что завтра мы с Олегом помиримся, но до того момента я выслушаю очень много о себе и своем муже. Скрепя сердце доехала на такси до Киры. Подруга, глянув на опухшее от слез лицо, молча отступила в сторону, давая мне проход.

У Киры и Кирилла однушка, один диван, на котором они вдвоем умещаются, а места для гостей нет, за что я десять раз извинилась. Но Кира сначала выслушала на кухне мой краткий рассказ о произошедшем, а после гаркнула, что уши заложило:

– Кирюх, ты на полу поспишь? А мы с нюней в обнимочку!

– Да без проблем, девчата, – ответил тот из комнаты так же громко. – И можете не стесняться, я даже рад посмотреть! Лиль, ну ты чего расклеилась?

– Сиди там, родной! У нас девчачьи разговоры!

– Да не лезу я! Лиль, может, за винцом сгоняю, а? Винцом мы быстро твоим обидчикам кости перемоем!

Кирилл младше нас с Кирой, он еще на последнем курсе института. Неказистый, слишком коренастый, в нем нет ни капли привлекательности моего Олега, но с живыми и всегда веселыми глазами. Я в некотором роде даже понимаю, что Кира в нем нашла. Невероятно легкий в общении человек, умеющий быть серьезным только в отношении к ней, а во всем остальном – шалопай, каких поискать. Про таких говорят разное: «им море по колено» и «оторви да выброси», и обе эти формулировки верны. Мне почему-то кажется, что Кирилл никогда любимую бревном не назовет, даже в порыве крайней злости. А может, это потому, что она в постели не бревно?

– Ты не сердись, что вас стесняю, – вновь повторила я, поскольку вид у подруги становился все мрачнее. – Олежа позвонит, и все наладится.

– А я сержусь совсем не на это, – подруга смотрела на меня голубыми глазами. – Просто некоторые детали уловить не могу. Мать, ты сама-то осознаешь, что твой Олежа, – она скривилась на имени, – выгнал тебя из вашей общей квартиры, за которую вы оба платите аренду? Тебя саму-то ничего не смущает?

Я поняла и понуро согласилась:

– На Олега злишься. Но ты же знаешь, у него темперамент

такой...

– Не на Олега, – удивила она. – Олег Олегом, я даже не сомневаюсь, что завтра он позвонит и позовет обратно. Может даже, извиниться не забудет. Если бы на это делали ставки, то я бы все до копейки отправила на стопудовый выигрыш. Ты телефончик-то из сумки достань – не удивлюсь, что уже звонил.

– Ну вот! – я обрадовалась, что и Кира не видит большой беды в нашей ссоре.

– Позвонит, позвонит, – повторила она без улыбки. – Ты же находка для любого паразита. Обстираешь, почистишь, накормишь и слова поперек не вякнешь. Тебя можно как собаку выкидывать из общей квартиры, а потом назад звать, когда снова котлет захочется. Мамаша-то у него та еще стерва, не к ней же за котлетами бежать.

– Ты о чем говоришь? – у меня вновь накатили слезы, но пока удавалось их сдерживать. – По-твоему, мне надо было с ним драться за право в квартире остаться? Посчитать, кто больше из нас за аренду внес? Какая мелочность!

– Кириух! – снова завопила она. – А давай-ка и правда винца, – Кира сбавила тон и продолжила уже для меня: – Ты, Лиль, родителям своим спасибо скажи – какую дочь замечательную вырастили, любо-дорого взглянуть: воспитанная, образованная, превосходная хозяйка, скромная, характер мягкий, покладистый, нелегкомысленный, про таких женщин раньше легенды слагали, сплошная добродетель.

тель. Тыфу, смотреть противно.

Я поняла ее намек, поскольку она далеко не в первый раз этот разговор заводила:

– Не всем быть боевыми амазонками, Кира.

– Не всем. Но зубы даже у святых росли.

За вином разговор протекал примерно в том же русле, но дальше не углублялся. А при Кирилле я стеснялась говорить совсем откровенно. Да, я немного мягкотелая, но разве это порок? Когда мир стал таковым, что покладистый характер начал считаться грехом? Или он всегда таким был?

Погружаясь в сон под сопение Киры и вздохи Кирилла, который постелил себе на полу, я отчего-то постоянно прокручивала слова: «Замужних женщин в аэропорту встречает муж». Слишком безапелляционно, разные ситуации бывают. Однако на усталость и легкий хмель они накладывались с каким-то неведомым мне подтекстом. Но ведь на самом деле выходит так: завтра Олег позвонит, и я прибегу к нему, чтобы жить дальше с любимым мужем. Мужем ли? Дело совсем не штампах и кольцах, а во всем остальном. На фоне крутящейся фразы дошло, что пыталась растолковать Кира: Олег меня не ценит. Не ценит всё, что я для него делаю. В самом начале наших отношений он был очень мил: красиво ухаживал и дарил цветы. Но в какой-то момент начал принимать меня как данность, как женщину любящую и никуда уже по этой причине не способную пропасть. Значит, мне надо пропасть! Нет, не для того, чтобы разорвать наши отношения, а

чтобы их наладить.

За командировку мне положена премия, направлю эти деньги на аренду другой квартиры или комнаты. Не приму его извинения сразу. Олег обязательно увидит, что без меня ему плохо, и тогда не сможет воспринимать меня как посудомоечную машину или предмет мебели. Чтобы создать настоящую семью, я обязана немного измениться, отрастить зубы.

Олег звонил, когда я ехала на работу. Отключила звук, чтобы самой не поддаться мечущимся сомнениям. В конце концов, ничего страшного, если я совсем немного его помариную.

Глава 3

Получила нагоняй от начальницы за незаконченный отчет, вчера он совсем вылетел из головы. И ведь возразить нечего: она справедливо заметила, что сотруднице с годовым трудовым стажем предоставили шанс, а мне хватило ума им не воспользоваться в полной мере. Разошлась она не на шутку, но наконец-то оставила меня в покое, правда, обещанной премии лишила. Да и задержаться на работе пришлось до девяти, чтобы закончить и свою работу, и работу отсутствующих командировочных.

К Кире плелась медленно, стараясь радоваться, что не уволили. Но потом одолела болезненная злость: а почему, собственно, меня должны были увольнять, если единственная претензия к моей работе за год – задержка отчета на несколько часов? И не я ли постоянно работала сверхурочно? Да в той же самой Варшаве на самую молодую свалили все бумаги и беготню! У них еще банкет с партнерами, видите ли! Будто я единственная не заслужила права присутствовать на банкете. Какая удача, что эта злость свалилась на меня уже вечером и не была озвучена в офисе. А то и правда бы нарвалась. Но мне ведь повезло: здесь меня ценят и перспективы видят – это отражается не в словах, а в решениях. И без всяких премий зарплата достойная...

Друзья, конечно же, снова не прогоняли, но мне было

очень неловко от необходимости их стеснять. Запоздало вспомнила о сувенирах, которые и презентовала сразу после ужина. И наткнулась в кармашке сумки на пластиковую карту. Вынула, будто бы сама удивляясь, откуда она у меня взялась.

– Клуб «Кинк»? – Кира нахмурилась, а затем рассмеялась. – Ты, мать, теперь у нас завсегдатай ночных клубов? Кто бы мог подумать!

Заинтересовался и Кирилл:

– О, я там однажды был!

– Серьезно? – Я вмиг переключилась, мне стало интересно: – И что там?

– Да ничего, – парень пожал плечами. – Дороговато, особенно для студентов. А так, ничего впечатляющего, обычный клубешник, больше на бар смахивающий. Раскрутились эти-ми своими дикими лозунгами: «Аморально», «Узнай свою изнанку», но на самом деле только пиар. Даже мы с друзьями однажды клюнули, какое же было разочарование, когда там увидели только лайт-стриптиз для дошкольников.

За эту рецензию Кира попыталась дать ему подзатыльник, но Кирилл со смехом увернулся и заявил, что с некоторых пор предпочитает стриптиз только в одном исполнении. Может, они это в шутку, а может, я сильно ограничивала их присутствием. И, вероятно, только поэтому перед сном приняла очередной вызов Олега:

– Заяц, ну ты чего? Обиделась, что ли? Я тут с ума схожу

от беспокойства!

– Не обиделась, – зачем-то соврала я. – Но ты ведь сам предложил подумать. Я у Киры, не волнуйся.

Его голос стал заметно расслабленнее:

– Ты там сильно долго-то не думай, а то я и другие кандидатуры начну рассматривать!

Отсмеялся и отключил вызов, не дав ответить. По поводу кандидатур он сказал иронично, но и доля истины в его словах была: Олег – парень видный, он в одиночестве не останется.

На следующий день в офисе выяснилось, что в подписанном польском договоре неправильно сформулирован один пункт, который юристы пропустили. Никакой катастрофы, можно решить дополнительным соглашением, однако начальница впала в настоящее неистовство. Отыгралась, конечно, на мне, будто я у нее еще и юрист. А на ком ей отыгрываться, раз команда явится лишь в понедельник?

Эта последняя нервотрепка меня и добила – довершила целую череду свалившихся неприятностей. Я вновь медленно плелась к Кире, чтобы испортить ей с Кириллом еще и пятничный вечер, пыталась себя успокоить и найти плюсы в своем положении, но вдруг остановилась перед торговым павильоном. Вошла и купила банку пива. Подобный поступок противоречил всему моему характеру, всем настройкам и воспитанию. Но в какую-то секунду я поняла, что сойду с ума, если не определюсь с Олегом. Жизнь незаметно раз-

валилась, и надо заново ее собирать, а начинать всегда надо с самого главного – с любимого человека. Заняла ближайшую скамью в парке и открыла банку. Мне, предпочитающей только легкое и хорошее вино, пиво казалось горьким и тяжелым. Но я осушила почти залпом. Обрадовалась нахлынувшему хмелю – он мне и поможет. В этом состоянии явлюсь к Олегу и помирюсь с ним, если увижу радость в глазах. Или в этом состоянии смогу высказать ему все, что меня тревожит, если увижу очередную пренебрежительную ухмылку. Склеить надо, жизнь склеить... или окончательно разбить. Всё лучше, чем висеть в воздухе.

На такси денег не пожалела. С непривычки меня так сильно накрыло, что я и песни водителю была готова петь. Но пока ехали, немного собралась. Полезла за наличностью и снова ткнулась пальцем в пластиковую карту.

– А знаете, поворачивайте, – обратилась к таксисту. – Поедем в другое место.

Он глянул на меня через зеркало заднего вида и скривился – очевидно, терпеть не мог пьяных. И не объяснишь же постороннему человеку, что пьяной я за всю жизнь полтора раза бывала.

– Да мне пофиг, дамочка. Адрес.

Я вышла в прохладу летней ночи и зажмурилась. Голова уже заметно прояснилась, раз я начала соображать. Вывеска клуба «Кинк» не слишком яркая, видела и поярче. На входе толпы нет, но время от времени заходят люди – в основ-

ном парами. Широкоплечий громила с лицом неандертальца пристально вглядывается в лицо каждого, затем кивает, пропуская внутрь. Здание большое, в несколько этажей. Никаких огней и фейерверков – слишком просто, насколько я могла судить.

Зачем я сюда явилась? Разумеется, чтобы купить себе дорогой коктейль. Денег у меня не так уж и много, я сильно рассчитывала на премию. Значит, самое время транжирить! Еще для того, чтобы встретить Владимира – чем бог пьяниц и дебоширов не шутит? Скажу ему, чтобы компенсировал стоимость испорченной футболки! Или попрошу, чтобы поделился со мной избытком собственной самоуверенности. Не удивлюсь, если он меня даже не вспомнит. Тогда опрокину свой дорогой коктейль на его деловой костюм и посчитаю, что хоть в одной истории поставила достойную точку.

На вип-карту громила взглянул мельком, больше внимания он уделил мне: медленно прошелся взглядом снизу вверх, явно отмечая деловую юбку и строгую белую офисную блузку, застегнутую до самого горла. Я вообще ни разу в ночных клубах не бывала, но предполагаю, что посетители обычно одеваются иначе. Неприятно ухмыльнулся:

– Карта-то случайно не Панкова? Нашла или украла?

– Да как вы смеете?! – я вскрикнула несвойственно для себя нервно. В жизни меня еще ни разу не называли воровкой. И добавила тише и неувереннее, предполагая, как глупо прозвучит объяснение с одним только именем: – Мне ее

Владимир подарил.

Однако тон громилы изменился:

– А, простите. Добро пожаловать. Впервые? Тогда идите направо – там покажете карту, и вас проводят в помещение для вил-клиентов.

Холл разделялся надвое. Слева открывалась широченная арка перед затемненным и шумным пространством. Кирилл сказал, что это самое обычное заведение, но он вряд ли пошел направо. Не пошла и я – струсила в последний момент. Да и что мне делать среди особых клиентов? Запал иссяк вместе с остатками хмеля. Но уходить сразу было жаль, следовало хотя бы осмотреться, раз уж я впервые в таком месте. Шагнула в арку.

Ощущала себя голой, поскольку явилась одна. Но через несколько минут поняла, что до меня здесь никому нет дела. Впереди раскинулась чуть ли не километровая барная стойка, за которой пританцовывали барменши в кожаных лифах. Несколько рядов круглых столиков, шустрые официантки, а дальше, в глубине, танцующая и бурлящая толпа, пронзаемая сверху разноцветными лучами. Там, скорее всего, музыка еще громче, а она и здесь почти оглушает.

Заняла один из свободных столиков, отдышалась. Все-таки без спутника быть неприятно. Нервозность мешала и кричала, что сейчас ко мне обязательно подлетит официант и спросит, что буду заказывать. У него непременно прочтется презрение в глазах – нельзя же сидеть и вообще ниче-

го не заказывать. Первым порывом было разрешить разуму снова рулить и бежать отсюда сломя голову. Нашлась тоже, тусовщица! И я не сделала этого только по той причине, что громила на входе отметит, что я сразу вышла. Подумает еще, что я такая, вся офисная, сюда по ошибке заглянула и сбегала, и потом с приятелями меня будет обсмеивать. Надо хоть пятнадцать минут продержаться, чтобы никто плохого не подумал.

Но пить уже не хотелось. Я встала и подошла к стойке, долго ждала, пока на меня обратят внимание, потом спросила вежливо:

– А кофе здесь готовят?

Девушка, очаровательная рыжая полуголая красавица, подмигнула и ответила слишком громко – наверное, она привыкла перекрикивать любой музыкальный трек:

– Лучший в городе! У нас не бариста, а чертов гений! Какой тебе, милая?

Не знаю, почему она обратилась ко мне именно так, но слова свои подтвердила хлопком меню по стойке. Это у них для кофе отдельное меню? Я открыла и не глядя ткнула в первое же название.

Она кивнула и что-то крикнула вдоль полки. Кофе принесли довольно быстро. Я собиралась взять и уйти за свободный столик, но рыжая вновь обратилась ко мне:

– Слушай, милая, а давай я тебе туда коньячку плесну?

– Зачем? Не надо! – успела возразить я.

– Как знаешь, – она отмахнулась. – Просто видок у тебя такой, будто капля коньячка не помешает! – И полетела дальше вдоль стойки на зычный зов другого клиента.

Про видок прозвучало не обидно, а как-то тепло, что ли. У меня скорее всего и правда выражение лица не самого счастливого человека. Но этой фразой она будто припечатала меня к стойке – здесь уже вроде как не в одиночестве торчу, не бельмом на глазу. Сижу, пью кофе, болтаю с барменшей – такое самой мне воспринимается легче. А потом еще одну чашку закажу!

Сзади раздался голос – тихий для этого шума, но барменша его расслышала:

– Марго, крикни там Гену, чтобы Лёшку сменил.

– Сейчас, Тём Саныч.

Упомянутый «Тём Саныч» занял соседний стул, потому я невольно скосила на него глаза. Белая рубашка с закатанными рукавами придавала его облику какой-то рабочей расслабленности. Немного похож типажом на Олега, тот тоже высокий и светловолосый, но уже через пару секунд я рассмотрела больше различий, чем сходств. Прямой нос, профиль можно было бы назвать правильным, если бы не слишком выпирающий подбородок. Пальцы, монотонно постукивающие по стойке, длинные и тонкие, как у пианиста. Абсолютно трезвый, что сильно противоречило царящей вокруг атмосфере.

Вероятно, он почувствовал мой взгляд, поскольку тоже

равнодушно глянул в мою сторону. Но почти сразу привстал.

– А вы почему здесь сидите?

– Нельзя? – испугалась я и на всякий случай проверила, не расстегнулась ли верхняя пуговица на блузке.

– Вам можно всё. Всем можно всё, пока они не мешают другим. Но почему вы сидите здесь?

Я напряглась, но потом поняла, что он заметил карту, которую я положила рядом с чашкой. Он сам прижал ее пальцем к столешнице и задал новый вопрос:

– Карта случайно не Панкова?

Как они все по карте к одной и той же мысли приходят? На ней же никакой фамилии не указано!

– Я не украла! – поспешила оправдаться.

Мужчина улыбнулся, обнажив зубы. У него оказались слишком выпирающие клыки, они придавали улыбке диссонанса, портили черты, отвлекали от слегка зауженных зеленых глаз.

– Ага, попробовал бы кто-нибудь у него что-то украсть, – ответил на мое заявление. – Я бы посмотрел.

Не поняла, что означало это явно ироничное утверждение, но мужчина уже не обращал на меня внимания. Встал вполоборота, уперся локтем в стойку и приложил непонятно откуда взявшийся телефон к уху.

– Володя, – говорил все так же спокойно. Он, наверное, флегматик, для которого крик – ненормальное состояние, даже когда половина звуков заглушается музыкой. – Внизу

твоя знакомая, – он подался ко мне и спросил: – Как зовут?

– Лиля, – промямлила я.

– А я Артем. Приятно познакомиться. – Снова клыкастая улыбка. – Представилась Лилей. И, судя по блузке, врать не умеет. – Короткая пауза. – Ты у меня спрашиваешь? Она мне на тот же вопрос дважды не ответила. Стыдится, наверное.

Легко угадывая реплики его собеседника, и я начала краснеть. Но ведь и правда, стыжусь. Зачем же это так открыто при мне же обсуждать? Артем продолжал:

– Сам спустишься, или мне ее силой туда тащить? Да не матерись ты! Перезвони, когда научишься сбавлять тон.

Телефон исчез из его руки так же незаметно, как в ней появился. Я сказала, вероятно, самую глупую фразу в своей жизни:

– Не надо меня никуда силой тащить!

– И не собирался. – Артем опять уселся на стул. – Насильно бы я еще в VIP-зону таскал. Сейчас сам прилетит ваш мажор, я слишком хорошо его знаю.

Он явно неправильно понял суть нашего с Владимиром знакомства, отчего совсем не по себе стало. Я вспомнила о тихом голосе разума:

– Ой, мне пора, поздно уже!

Мужчина ответил бесконечно устало:

– Мне тоже пора. Но задержитесь секунд на пятнадцать.

– Зачем?

– Почему все люди такие нетерпеливые? Как будто нетер-

ление хоть одну проблему решило. Девять, десять, одиннадцать...

– Что? – я не поняла счета.

И примерно через четыре секунды высокий стул с другой стороны заняли.

– Ты все-таки пришла! Не ожидал, честно, – раздался уже знакомый голос.

Володя широко улыбался, а одет был совсем иначе, чем в аэропорту. Темно-серая футболка с широким воротом шла ему невероятно. Надо же, а я посчитала его слишком презентабельным при первой встрече. Вот у такой внешности нет ни единого диссонанса, даже щетина к месту, что противоречит всем установкам на элегантность. Он не просто презентабелен, он сложен как греческий бог. И футболка эта явно предназначена только для того, чтобы все достоинства подчеркнуть. Улыбнулась в ответ невольно – и больше для того, чтобы скрыть свою заторможенность. Но Володя уже обращался к знакомому:

– Артем, ты просто маньяк. Постесняться девушке не дал. Или купидон?

– Пойду я работать. Маньячить и купидонить, раз я здесь главный, – отреагировал блондин и, не прощаясь, покинул нашу тесную компанию.

– Тяжела жизнь короля разврата, – пояснил Володя ему вслед, но специально для меня. – Ты его вежливостью не обманывайся. В тихом омуте водятся такие черти, что свих-

нуться можно.

Я пропустила момент, когда мой уход еще не выглядел бы нелепым бегством. А очнулась, когда Володя уже тащил меня за руку к столику – но и в этом осознании я обрадовалась, что общий зал мы не покидаем и ни в какую вип-зону пока не намыливаемся. Он плюхнулся рядом на короткий кожаный диванчик, а не сел напротив, в чем был смысл: в таком шуме разговаривать можно, только находясь рядом. Марго уже через пару секунд шмякнула по столику подносом с маленькими наполненными рюмками.

– Некрепкие шоты, – пояснил Володя, словно я спрашивала. – Не бойся, Лиль, никто никого насильно поить не собирается.

– Я и не боюсь, – ответила, хотя пить не хотелось, ни слабого, ни крепкого, а уж тем более – незнакомого. Может, с моим встроенным воспитанием действительно что-то не так, раз я эту мысль не озвучила?

– Рад, что ты все-таки пришла! – Володя передал мне одну из рюмок, сам подхватил другую, стукнул по моей, не дожидаясь реакции, и залпом влил в себя. Затем скосил взгляд на блузку и добавил: – И, видимо, здесь ты оказаться сегодня не планировала.

Обсуждать свою одежду я посчитала бестактностью, потому сосредоточилась на первой части фразы, заставляя себя обращаться на ты к малознакомому человеку – выкать после его фамильярности было бы совсем неуместно:

– Почему рад? Сомневаюсь, что ты горел желанием меня снова увидеть.

– Не за себя рад, Лиль, – он обескураживающе улыбнулся. – За тебя. У меня на людей чутье – и ты стопудово хороший человек.

– Спасибо за комплимент. – Я выдавила улыбку, а рюмку так и держала в руке.

– Это не комплимент, – ответил он неожиданно серьезно. – Нет беды в том, чтобы быть хорошим человеком, но беда – если человек слишком хороший.

– В смысле?

– В смысле, нельзя быть удобным для всех. Хотя упомянутые все именно этого от тебя и хотят.

Он выпил уже вторую, махнул Марго, чтобы еще что-то принесла, я не обратила внимания. Это он зачем сказал? Это я-то для всех удобная? Формулировка оказалась настолько острой, что я бездумно отпила немного и поставила рюмку на столешницу. Развернулась к нему всем телом, чтобы смотреть в глаза, и произнесла неуверенно:

– Ты совсем меня не знаешь, чтобы делать такие выводы.

– Буду только рад ошибаться. – Он снова непринужденно улыбнулся. – Всё, закрыли скользкую тему. Так почему ты пришла? Или не так – почему ты пришла именно сегодня?

Этот холеный красавчик мне никто, второй раз в жизни видимся и вряд ли станем по-приятельски перезваниваться, поздравляя друг друга с днями рождений. Он мне никто, и

именно по этой причине мне незачем врать:

– С мужем поссорилась. На работе накричали, – показалось, что вслух озвученные причины какие-то мелкие, потому перешла на более пространное объяснение: – Черная полоса в жизни началась. Я выпила немного, и вот на хмелю попалась твоя карточка. Решила, что хуже не будет, если немного встряхнусь.

– Тогда почему сразу наверх не прошла? Тебе бы подсказали, где я. Ну, раз уж встряхнуться захотелось – я бы встряхнул.

Показалось, что он вложил двусмысленный подтекст, даже щеки жаром обдало.

– Да я не в этом смысле, Володя! Просто посетить клуб, посмотреть изнутри! Для меня и это экстрим. А тебя я вообще здесь встретить не намеревалась! Да и какова вероятность встретить единственного знакомого в ночном клубе?

– Понял, – он ответил, легко принимая все мои объяснения. – Но, во-первых, это не ночной клуб.

– Как это? – Я перевела удивленный взгляд на танцующую в другом конце огромного помещения толпу.

Володя проследил за моим взглядом и пояснил:

– Только в некотором смысле клуб. Первый этаж дает почти половину выручки и здорово прикрывает глаза заинтересовавшимся инстанциям. А, во-вторых, вероятность встретить меня здесь очень высока. Я, можно сказать, внештатный сотрудник.

– Больше всех пьешь? – догадалась я.

Он с усмешкой потянулся за третьим шотом.

– Почти. А чаще отвечаю за то, чтобы эту полулегальную лавочку не прикрыли. К счастью, мы живем в свободной стране – ничего не прикроют, если есть достаточные связи. У нас с Артемом взаимовыгодное многолетнее сотрудничество.

Я ничего не поняла, но немного испугалась. Слово «полулегальный» явственно намекало на то, что мне здесь не место, как и любому приличному человеку. Но поддалась любопытству и решила задать еще вопрос:

– Объясни, если это не секрет.

– Не секрет от тебя, – Володя откинулся на спинку и положил руку вдоль подлокотника. Я поежилась – хоть он меня и не касался, но со стороны это могло напоминать интимные полуобъятия. Продолжил, лениво осматривая зал: – Но такие вещи легче показать, чем объяснить. Пойдем наверх?

– Нет уж. Лучше словами, – я испугалась еще сильнее.

Он надо мной посмеивался и этого не скрывал:

– Выше располагаются тематические отделы – каждому по вкусу. Дорого, сердито, пошло и разнообразно. Я и сам не знал, сколько у нас извращенцев водится, когда Артем еще загорелся этой идеей – дать каждому то, что он ищет. Но сейчас вынужден признать, что он был прав: клиентов не просто хватает, они готовы за это платить больше, чем за поездки с семьями на отдых.

– Извращенцы? – Моих познаний не хватало, чтобы сразу охватить картину целиком, но выпученные глаза о реакции свидетельствовали однозначно. – Какие еще извращенцы? Зачем?!

– Фрейда не читала? Вот и я не читал, в отличие от Артема. Подавляемые желания не исчезают, они обязательно найдут выход – и далеко не всегда приемлемый для остальных. Но если найти этим желаниям применение, которое никому не вредит, то выигрывают все. А особенно владелец такого заведения. Ого, какие у тебя глаза огромные. Я впечатлен. Закроем и эту тему, Лиль. Что там с твоим мужем? Сильно поссорились?

Я мигнула и забыла о чужих извращениях, вспомнив о своих. Вздохнула и потянулась за рюмкой.

– Да нет, не сильно. Легкое недопонимание.

– Веди его сюда! – решительно предложил Володя. – Я серьезно. Ты не представляешь, сколько браков сохранилось, благодаря элементарному признанию себя.

– Что ты, – я даже улыбнулась смущенно. – Олег у меня никакой не извращенец, нет у него каких-то особенных желаний. Как и у меня.

– Ага. Если бы мне на каждой такой фразе платили по рублю, то я бы стал... херакс, а я ведь и так стал! В общем, мое дело предложить, а думайте сами. Сколько лет женаты-то? Ты выглядишь совсем девочкой.

Еще раз тяжело вздохнув и сделав небольшой глоток, я

ответила:

– Официально не женаты. Два года живем вместе.

И не добавила, что уже «не живем». Олег в порыве ярости меня выгнал, а я и ушла. И хоть назад зовет, а тяжесть с души не снимается. И даже приготовилась к привычному осуждению – такому же, какое было в глазах мамы, когда я ей сообщила, что мы с Олежей съезжаем. Но, видимо, не на того нарвалась:

– Два года – слишком малый срок, чтобы узнать человека, Лиль. Люди иногда за всю жизнь себя-то узнать не успевают, а тут другая личность. Смотри сама, конечно. Но если ты с ним счастлива, тогда ищи возможности, а не оправдания. Ты с ним счастлива?

Вопрос прозвучал слишком прямо. Простой на самом деле вопрос, элементарный. Вот только мне его никто раньше не задавал, не задавала и я. Спрашивала себя иначе – люблю ли я Олега? Да, бесспорно. Но разве я с ним счастлива? Разве прожила хоть один день в сплошной радости после того, как мы сняли одну на двоих квартиру? Нет, я выполняла свои обязанности и привыкала к проявлениям его характера. Получала удовольствие от того, что рядом со мной родной человек, а сама я не бедняжка-одиночка. Но разве именно это называется «счастьем»?

– Не знаю, – ответила честно. – Не знаю, Володя. Но сейчас как раз выдался тайм-аут, чтобы это понять.

Почувствовала его взгляд на профиль, потому скосила

глаза. Немного смущало, как мужчина меня разглядывал – остро, пристально, хотя невесомая улыбка с губ не исчезала.

– Лиль, а ты в курсе, что красавица? – задал он совсем немислимый вопрос. Я усмехнулась – нет, я себя уродиной не считаю, все на месте, но до ярких красоток с обложек журналов мне далеко. Володя моей реплики не дождался: – Самая настоящая красавица. Другая прическа, одежда, немного косметики, снять эту тотальную зажатость – и можно на кастинг в кино валить.

– Шутишь, – отреагировала я не вопросом, но внутри все-таки стало приятно. Не так уж часто мне подобные вещи говорят, а женское нутро к ним чутко.

Он не стал оспаривать или переубеждать, лишь отмахнулся.

– Скучно. Лиль, давай на выбор – будем целоваться или пойдем наверх?

Вот! Не зря я посчитала его руку за моей спиной двусмысленностью!

– Что?! – крикнула громко. – Не буду я целоваться!

– Я бы тоже так выбрал. – Володя осклабился. – Молодец, хоть какой-то негатив попер, а то совсем была рыба снулая. И правильно, никогда не целуйся с кем попало. Трахаться можно, если умеете пользоваться презервативами, но не целуйся.

– Чего? – я рассмеялась от несурезицы.

– Того! – с ироничным вызовом ответил Володя. Навер-

няка просто пытался меня вывести из себя, потому и заливал эту чушь. – Поцелуям почему-то придают меньше значения, чем ритмичным фрикциям для удовлетворения базовой потребности. И это, на мой вкус, в корне неправильно. Не раскидывайся поцелуями с кем попало. Идем?

– Куда?

– Ты же выбрала. Посмотрим, что там происходит этажом выше, дальше тебя в такой одежде все равно не пустят, хотя охрана и поляжет полным составом от хохота. Неужели не любопытно?

Вообще-то, немного есть.

– Если только посмотреть...

– Вполглазика. – Володя подмигнул, встал и протянул мне руку, чтобы помочь тоже подняться. – Олегу потом своему расскажешь об увиденном, чтобы он тебя из спальни до конца выходных не отпускал.

Олегу, да даже Кире, я ничего подобного рассказывать не стану! И зачем мне самой туда идти? Любопытство кошку сгубило...

– Ой, Володя, я, наверное, не...

– Ой, Лиль, ты, наверное, да, – перебил он и мягко подтолкнул к лестнице.

Глава 4

Охранник даже не моргнул, когда мы проходили мимо, – соляной столп.

Коридор второго этажа был широк и изящен, как гостиничный холл. В полукруглой арке справа я разглядела столики под приглушенным уютным светом и очень удивилась типичной ресторанной атмосфере. Озвучила назревший вопрос:

– Обычный ресторан или кафе? Зачем столько таинственности?

– Не обычный. – Володя остановился рядом со мной. – Скорее, клуб знакомств и легких приключений. Не все люди хотят афишировать свои постельные похождения, так почему бы им не предоставить для этого самое комфортное место?

Он ничего не объяснил, но я сама поняла и смутилась осознанию, когда разглядела. За столиками сидели люди парами, коих не так уж много. Чего-то совсем вопиющего я не усмотрела. И это сразу успокоило, я даже усмехнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.